

042

ПОЦЕЛУЙ

ДЖЕННИФЕР РЭЙ

Самая сексуальная журналистка

Поцелуй – Harlequin

Дженнифер Рэй

Самая сексуальная журналистка

«Центрполиграф»

2014

Рэй Д.

Самая сексуальная журналистка / Д. Рэй — «Центрполиграф»,
2014 — (Поцелуй – Harlequin)

Хочешь узнать, как разнообразить сексуальную жизнь, – посмотри передачу Фейт Харрис, главного телевизионного «сексперта». Журналистка самозабвенно работает над щекотливой темой отношений, пытаясь побороть собственные комплексы, добиться признания зрителей и доказать, что секс значит нечто большее, чем удовлетворение физиологических потребностей. Увы, новый босс телеканала – Кэш Андерсон – не разделяет энтузиазма Фейт и собирается закрыть ее передачу. Циничный красавец-сердцеед убежден, что секс – это просто секс, а любви и вовсе не существует. У Фейт есть несколько дней, чтобы доказать ему обратное, проявить себя истинным профессионалом, отстоять дело всей жизни... и при этом желательно не влюбиться.

© Рэй Д., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дженнифер Рэй

Самая сексуальная журналистка

Sex, Lies & Her Impossible Boss

Copyright © 2014 by Jennifer Rae

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Моей сестре Донне.

Если бы ты не спасла меня от того банка, я никогда не написала бы эту книгу.

Спасибо тебе за это. И за то, что убедила меня: я никогда не останусь один на один со своими проблемами.

Глава 1

Когда ее телефон зазвонил, Фейт Харрис была слишком занята, фотографируя наклейки для сосков танцовщицы бурлеска, чтобы заметить это. Новые наклейки, ярко-красные и усыпанные бриллиантами стоимостью в тысячи долларов. Гордая обладательница наклеек Бетти Бум-Бум для пущего эффекта размахивала ими из стороны в сторону, пока Фейт наводила камеру.

– Постой на месте, Бетс, мне нужно поймать фокус, угомонись.

Стоило Бетти перестать покачиваться, как запищал телефон. Фейт выдернула его из кармана и с нетерпением прочитала высветившееся на дисплее сообщение.

«Подойдите к своему проклятому телефону. К.А.».

Фейт вздрогнула. Он звонил все утро. Она знала зачем. Поэтому-то и не ответила ни на один из его звонков. Как и на его электронные письма. Но теперь он разозлился, и Фейт больше не могла его игнорировать.

– Извини, Бетс. Мне нужно кое-что уладить, – вздохнула она и, повесив камеру на шею, уткнулась в телефон.

Кэш Андерсон. Человек, который раздражал, напрягал и доставал ее больше, чем кто бы то ни было.

Кэш-черт его дери-Андерсон.

Который названивал, чтобы уволить ее. Который работал всего четыре недели, но уже успел «достать» компьютерщиков, допечь рекламщиков и вечными придирками превратить редакцию телеканала в суший бардак. А сейчас он нацелился на Фейт и ее передачу «Секси Сидней». А между тем она выстраивала эту передачу на протяжении двух лет, завоевав репутацию правдивой журналистки. И теперь он хотел ее закрыть.

Фейт вдохнула через нос и выдохнула через рот. Так, нужно успокоиться. Она вспомнила занятия по йоге. Заткнула уши пальцами, закрыла глаза и погудела – так, как учил ее Шри Шри Рави.

– М-м-м...

Она вот-вот потеряет работу. Сбережений у нее нет, так что придется съехать с квартиры, – и куда она пойдет? Перебравшись сюда, вслед за мечтами, Фейт оставила большинство друзей в Англии. А здесь ей удалось завести всего пару приятельниц: работа занимала все время.

– М-м-м...

Ей придется вернуться домой. К безумной матери, разочарованному отцу и братьям-бездельникам, которые вечно ее дразнили.

– М-м-м...

Потом она начнет пить запоем. Станет курить и подбирать бездомных кошек. А у нее была аллергия на кошек, так что она перестанет дышать и в итоге окочурится, и ее не найдут до тех пор, пока родители не почуют странный запах из ее ком наты.

– М-м-м... будь все проклято... м-м-м!

Она умрет, и Кэш-черт его дери-Андерсон наконец-то успокоится.

Фейт вынула пальцы из ушей. Шри Шри и его йога не помогли. Она обреченно набрала номер Кэша, и внутри все сжалось.

– Черт, ну наконец-то! Где вас носило? Где вы сейчас? – прогремел в трубке его резкий голос.

– Я беру интервью у Бетти Бум-Бум. Я говорила вам, что пробуду тут весь день.

– Забудьте о Бетти Бум-Бум. Вы нужны мне здесь.

Волоски на задней части шеи встали дыбом. Его резкий, требовательный тон напомнил Фейт директора ее школы-интерната. Безжалостного. Грубого. Человека, неспособного к пониманию, даже когда речь идет о девочке, оказавшейся вдали от дома, – испуганной, одинокой и не сумевшей приспособиться. Помнится, директор приказал ей «стать сильнее». И Фейт подчинилась – поэтому-то и не собиралась позволять боссу третировать ее.

– Я на самом деле не могу. Мне нужно сделать эти фотографии: съемочная группа собирается приехать завтра, и я должна все подготовить.

– Фейт. Я жду вас здесь через двадцать минут.

Он отключился. Двадцать минут. Притом что она находилась в сорока пяти минутах езды. Фейт закрыла глаза, втянула воздух ртом и уже не в первый раз спросила себя, на кой черт она в это влезла. Всего несколько лет назад ее мечты казались такими ясными... Путешествия по миру и журналистские награды. Об этом она мечтала с семи лет, когда оказалась изгоем в новой школе. Сильный северный акцент, растрепанные волосы и эпатажные комментарии делали Фейт объектом многочисленных насмешек. Она научилась становиться незаметной, исчезать, отгораживаться от окружающих. И вот теперь она столкнулась с резким прямым человеком, который собирался расстроить все ее планы. Передача «Секси Сидней» была ее ребенком. Фейт придумала этот проект, когда устроилась на свою первую телевизионную работу, еще в Ньюкасле, но ни один английский телеканал на него не согласился. Все до одного называли ее чокнутой и хихикали за спиной. Но прошло два года, и все изменилось. Ее мечты сбылись. Так долго пробыв всеобщим посмешищем, она наконец-то встала на ноги, а теперь Кэш Андерсон пытался отнять все это.

– Мне нужно уйти, Бетс.

– Это снова твой красавчик босс, да?

Фейт тяжело застонала. Отрицать его красоту было глупо. Но внешность ничего для нее не значила. Этот человек был расчетливым бизнесменом, прожженным дельцом, который хотел закрыть все самое лучшее на телеканале и навязать всем сотрудникам дурацкие идеи насчет снижения расходов.

– С этим смазливим типом нужно держать ухо востро, Бетс. Я почти не сомневаюсь, что он пытается закрыть мою передачу.

– Вот гад! – Искреннее негодование Бетти весьма польстило Фейт.

– Я занимаюсь интересной темой. Австралия должна знать о таких вещах. Согласна?

– Разумеется. Мы – артистки, а не стриптизерши, и наша работа – ценная часть культуры.

– Да! Вот именно. Но он-то не врубается! Знаешь, что этот ханжа сказал мне на последней редколлегии? «Все, что нужно женщине в спальне, – это улыбка». Только вдумайся – улыбка! Он и понятия не имеет, насколько важны восковая эпиляция, выщипывание бровей, работа над фигурой и увлажнение кожи, чтобы эта «улыбка» стала по-настоящему сексуальной.

– Мужчины, – презрительно фыркнула Бетти.

– Мужчины, – согласилась Фейт.

Если бы только ее судьба не оказалась в руках этого мужчины! Но, увы, Фейт не могла его игнорировать. Дьявол вызвал ее в свое логово, и, если она не придет туда через двадцать минут, он пронзит ее своими вилами.

Кровь яростно стучала в ушах Фейт. Кэш смотрел на нее, сверкая сногсшибательной белозубой улыбкой. Одной из тех улыбок, которыми обладали некоторые мужчины. Улыбок, от которых светились лица и испещрялись морщинками уголки глаз, заставляя этих мужчин казаться моложе и сексуальнее. И твое глупое сердце решало, что им можно доверять. Хотя на самом деле доверять не стоило. Особенно боссу «Апекс-ТВ» в этом кабинете.

– Сегмент Фейт популярен, не спорю. Но мне хотелось бы попробовать что-нибудь другое, – промурлыкал Кэш, не сводя с нее глаз.

Фейт встретила с ним взглядом и вскинула подбородок.

– Например? – поинтересовался Гордон Грант, чересчур загорелый мужчина на седьмом десятке. Его американский акцент лился мягко, изысканно, а сам Гордон был столь ослепителен, что мог заставить любого в этой комнате чувствовать себя никчемным.

– Например, спорт. Я хочу запустить новую программу об австралийских легендах спорта.

Фейт застонала, но тут же осеклась, осознав, что все до единого слышали ее.

– Вы не согласны, мисс Харрис? – Гордон улыбнулся, и его зубы ослепили ее. Взгляд Гордона пробежал по ее лицу, скользнул вниз, к шее, и остановился у ворота блузки, там, где упорно не желала держаться пуговица. Фейт поспешила запахнуться и выпрямилась.

– Если честно, нет. Не согласна. – Фейт мельком посмотрела на Кэша. Он неодобрительно взирал на нее. – На телевидении и без того хватает спортивных программ.

– Австралийцы любят спорт. Это – наша культура, – высказался Мэтти Хабинджер, спортивный репортер. Он напоминал Фейт терьера. Эти крупные зубы с вечно высывавшимся языком... А еще он слишком быстро говорил. – Спорт – в нашей крови. Крикет, теннис, австралийский футбол. Нам никогда не хватает спорта.

– Секс – вот, чего не хватает австралийцам, Мэтти. По данным исследований, австралийцы интересуются сексом больше, чем жители любой другой страны. Но уступают Штатам, Великобритании и большей части Европы в том, что касается получения удовольствия от секса. – Фейт снова взглянула на Кэша, который метал в нее глазами смертоносные кинжалы. – Люди в этой стране больше, чем кто бы то ни было, жаждут попробовать что-то новенькое в спальне, но меньше, чем кто бы то ни было, умеют делать это.

Кэш посмотрел на нее, вскинув бровь. Пульс Фейт участился, ладони стали влажными. Бетти верно подметила, он был красивым. Высоким, широкоплечим. Фейт слышала, что раньше он играл в национальной сборной по регби. Судя по выступавшим на его спине мышцам, он по-прежнему находился в прекрасной физической форме. Он был поджарым, стройным – просто безупречным. За исключением разве что его левого глаза. Единственного изъяна, небольшого вкрапления зеленого в идеальную карюю оболочку... Фейт была готова настучать себе по голове – и о чем только она думала! Сейчас, когда карьера висела на волоске...

– Австралийским зрителям нужна моя передача, – срывающимся голосом заключила Фейт. Она прокашлялась и перевела взгляд на ухмылявшегося Гордона.

– Это и в самом деле так? – Он остановил обманчиво доброжелательный взгляд на Кэше. – Что ж, Андерсон, мисс Харрис лучше знать. Она ведь – местный сексерт... или как там говорят...

И он захихикал над своей шуткой. Следом загоготали Мэтти и половина присутствовавших в комнате. Фейт знала, что они о ней думали. Сексуально озабоченная девчонка, которая рассказывает о фетишах, оргиях и полиаморных браках. Но на самом деле она была хорошим журналистом. Женщиной, которая не боялась говорить о сексе и любви. И она не стыдилась того, чем занималась. Но ей надоело защищаться на каждом совещании. Фейт поднялась, и ее стул со скрипом проехал по начищенному до блеска паркету.

– Вы ошибаетесь, Кэш. Австралийцы хотят знать о сексе, любви и отношениях. О том, как спасти свой брак. Хотят исследовать свою сексуальность без ощущения, будто делают что-то не то. И им надоело смотреть, как взрослые мужчины играют с этими своими мячиками!

Комната погрузилась в напряженную тишину. Все глаза устремились на Фейт. Ее бюст так и вздымался, груди натягивали ткань блузки. Фейт осмелилась поднять глаза на Кэша: он все так же стоял на месте, наблюдая за ней. Вскинув бровь, с непроницаемым лицом. И тут, почувствовав кожей дуновение ветра, Фейт заметила, что еще одна пуговица на блузке расстегнулась, явив находившимся за столом переговорщиков ее лифчик. Тот самый, что подарила ей Бетти. С бантиками на сосках.

– Черт возьми! – вскричала Фейт. Резко запахнув блузку, она обвела взглядом присутствующих и пулей вылетела из комнаты.

Глава 2

Когда он подошел к ее рабочему столу, Фейт упаковывала кружку в картонную коробку. Он узнал эту кружку. Обычно она была испещрена следами от красной помады и наполнена черным чаем. Интересно, с какой это стати Фейт решила ее убрать?

– Чем это вы занимаетесь, Фейт?

– А чем еще я могу заниматься? Собираю вещи.

Кэш прикусил язык. Фейт все время заставляла его делать это. Она никогда с ним не соглашалась. Спорила по любому поводу. Странно, но это почему-то совсем его не раздражало. Из всех сотрудников, с которыми Кэш познакомился за прошедший месяц, именно Фейт заинтересовала его больше всего. Она была умна, прямолинейна и никогда к нему не подлизывалась.

– Зачем?

– Затем, что я увольняюсь. Вы явно не хотите, чтобы я здесь работала. Не понимаете, чем я занимаюсь, так что мне лучше уйти туда, где меня поймут. Где меня оценят.

Ее глаза казались стеклянными. Фейт была чересчур эмоциональна, что очень мешало ей в работе. Именно поэтому Кэш и решил «законсервировать» ее сегмент. Она потеряла хватку. Слишком погрузилась во все это.

– Я ценю вас, Фейт.

– Нет, не цените. То, чем я занимаюсь, кажется вам бессмысленным и глупым. Поэтому-то вы и хотите заменить меня спортом.

Его глаза метнулись к ее блузке. Фейт нашла булавку, чтобы скрепить разрез, но Кэш все еще видел округлости ее груди. Он вспомнил те бантики и с усилием сглотнул. А она подходила своей щекой к ливой теме. Но наверняка могла заниматься чем-то еще. Например, погодой.

– Я не хочу, чтобы вы увольнялись, Фейт. Я подыщу вам что-нибудь другое. Вы – хороший репортер.

– И что же? Собираетесь превратить меня в девушку-синоптика? Заставите перекраситься в блондинку и хихикать, показывая, как сильный западный ветер дует мне прямо под юбку?

Кэш с трудом удержался от смеха. Фейт была остроумной. А еще сообразительной, умной, и он задавался вопросом, какого черта она не хочет двигаться дальше. Почему так упорно держится за эту передачу о сексе, которая не работает должным образом.

Он пытался найти больше рекламодателей, но они колебались. Содержание менялось из недели в неделю от эксцентричного и легкого до глубокого и тяжелого. Интересно, кто помогал Фейт выпускать программу? Кэш хотел разобраться в этом. Возможно, трудности возникали в процессе съемок. А настоящая проблема, предполагал он, заключалась в том, что зрителей, как и его самого, не интересовала вся эта чепуха вроде любви и видов фаллоимитаторов. Все знали, что любви на самом деле не существует. Все, кроме Фейт, которая считала: если пара оживит сексуальную жизнь с помощью наручников, это что-то реально изменит.

– Убежден, мы можем найти для вас что-то еще. Что-то, чем вам хотелось бы заниматься.

– Я хочу заниматься именно этим. Передачей «Секси Сидней». У меня есть поклонники. Людям нравятся мои сюжеты.

Фейт действительно «цепляла», заставляла поверить во всю ту чепуху, что так вдохновенно несла. Ее передача – порой – была просто блестящей. Но в последнее время стала слишком тягостной. Недавно, интервьюируя проститутку, Фейт плакала. Впрочем, судя по комментариям на странице телеканала в Фейсбуке, у нее действительно была внушительная армия поклонников.

– Это – просто секс, Фейт.

Ее глаза обжигали его. Только сейчас Кэш заметил, что они были не карими, как он думал раньше, а темно-синими. Необычного цвета, который напоминал океан перед его домом. Поздно ночью, когда дул ветер, а волны разбивались об утесы...

– Нет никакого «просто секса», Кэш. Секс всегда значит больше, чем просто секс.

Кэш взглянул на ее решительное лицо, и его губа изогнулась в полуулыбке. Когда-то он и сам думал, что секс – это нечто большее, чем просто секс. Но в ту пору он был слишком молод.

– Нет. Секс – это секс. Физическое единение между двумя людьми, которые почувствовали возбуждение в одно и то же время в одном и том же месте.

Ее губы приоткрылись. Розовые, пухлые губы. Кэш прикусил свою нижнюю губу и переступил с ноги на ногу. Ему нравилось поддразнивать Фейт. От этого ее кремово-белая кожа покрывалась восхитительным румянцем. Но он и не замечал, какими соблазнительными были ее губы.

– Вы действительно верите в это, да? Считаете, что секс – это просто секс? – Ее глаза вспыхнули.

– Да. Я действительно в это верю. – Уж он-то знал правду. Любви не существовало. Страсть, взаимное притяжение – вот, во что он верил. За последние девять лет это не причинило ему никакой боли. – Пора оставить эту тему, Фейт. Двигайтесь дальше. Как знать, вдруг вы хорошо проявите себя в чем-то другом. В информационной программе, например?

– Я по-настоящему хороша в сексе! – Ее голос прозвучал в тот самый момент, когда все сотрудники отложили телефоны и замолчали. Фейт вытаращила глаза, и ее лицо приобрело свекольный оттенок, когда несколько шутников, которым полагалось работать, засмеялись.

Она отвернулась и принялась в спешке складывать вещи. Кэш раздраженно вспыхнул. Фейт следовало учиться быть жестче. Сам он изо дня в день сносил отказы, насмешки и цензуру, и, если Фейт собиралась выжить в этой индустрии, ей стоило перестать краснеть и мямлить.

Кэш не хотел, чтобы она сдавалась и уходила. Этот канал кишмя кишел идиотами. Фейт была одной из немногих, кого он хотел оставить в штате. Но она должна была закалиться. Кэш придвинулся ближе – пришла пора заставить ее стать сильнее. Он решил бросить ее в самый глубокий водоворот и посмотреть, сможет ли она выплыть.

Кэш наклонился, и его рот оказался в опасной близости к мочке ее уха. Фейт шумно вдохнула. От него исходил восхитительный аромат. Пьянящий, сексуальный. Голос Кэша зазвучал громко, с тем сильным резким акцентом, к которому он прибегал, когда злился.

– Как управляющий вашего телеканала, я настаиваю на том, чтобы вы доказали мне справедливость этого утверждения.

И все-таки он не злился. Он чувствовал... что-то другое.

Сердце отчаянно билось в ее груди. Фейт не привыкла, чтобы кто-то стоял так близко. И это касалось не только Кэша, но и всех остальных мужчин.

– Это – сексуальное домогательство на работе, мистер Андерсон.

Кэш остолбенел, улыбка сбежала с его лица. Он немного попятился, и Фейт ощутила холодность его взгляда.

– Если бы я хотел сексуально домогаться вас, Харрис, я сделал бы это должным образом. На своем рабочем столе. И вы кричали бы мое имя.

Его глаза посуровели, что немного охладило колотящееся сердце Фейт. Он все еще стоял слишком близко. А теперь еще и предлагал сделать то, чем она не занималась так долго. Ни с кем – не говоря уже о высоком грубоватом красавце, который жаждал избавиться от нее.

Тело Фейт пульсировало. Это зашло слишком далеко. Ей и правда стоило уволиться. Хотя бы по той простой причине, что она действительно мечтала заняться с Кэшем сексом на

рабочем столе. Множество раз. Пробуя все без исключения позы из «Камасутры». И возможно, даже некоторые такие, которых в книге не было...

Фейт отмахнулась от этой мысли и плотно сжала губы. Она была профессионалом и много читала о мужчинах, которые пользуются своей сексуальностью, чтобы получить желаемое. Такие субъекты не принимают «нет» в качестве ответа. Оставалось только доказывать им, кто на самом деле тут босс.

– Если бы у вас было хоть какое-то представление о том, чем я занимаюсь, Кэш, вы бы осознали, насколько это ценно. – Она вскинула подбородок и заговорила с самым шикарным лондонским акцентом: – Вы поняли бы, насколько важен мой сегмент для австралийцев и этого телеканала.

– Ладно, идет. – Он наконец-то отстранился.

– Что? – Озадаченная, Фейт попыталась перехватить его взгляд, но Кэш отвел глаза и теперь расстегивал пуговицы рубашки на своих запястьях. Потом стал закатывать рукава, обнажая сильные загорелые предплечья с выпуклыми венами.

– Покажите мне, чем вы занимаетесь, насколько значима ваша работа. Докажите, что секс – это не просто секс, и я сохраню вашу передачу.

– Доказать это вам?

– Да. Покажите мне «Секси Сидней». Научите меня тому, что знаете. Заставьте меня передумать – и сможете продолжать.

Заставить его передумать? Мужчину, который считал, что секс – это просто секс? Мужчину, который вернулся на австралийские берега всего четыре недели назад и уже успел – по самым скромным подсчетам – переспать с двадцатью ослепительными красотками? Задача представлялась невозможной. Но это был единственный шанс Фейт остаться. И она схватилась за эту возможность.

– Прекрасно. Будьте готовы в шесть утра. Я заеду за вами.

– Великолепно. У меня останется время на мой утренний серфинг. – Кэш расплылся в улыбке, больше напоминавшей акулий оскал. Сердце Фейт заколотилось. Это будет битва не на жизнь, а на смерть. Победа была единственным способом спасти ее передачу и ее мечту – и на сей раз идти стоило до конца.

Глава 3

Сидней в шесть утра выглядел непривычно. Тихим. Застывшим, будто свернутый побег, который вот-вот освободится от оков. Когда Фейт переехала сюда два года назад, город казался таким чужим и странным... Все вокруг было ярким, солнечным, сияющим. Люди все время улыбались. Австралийцы скорее работали, чтобы жить, чем жили, чтобы работать. Фейт потребовалось немало усилий, чтобы привыкнуть к этому. Иногда подобный уклад раздражал ее: хотелось, чтобы люди были хоть чуточку серьезнее, честнее. Но когда солнечные блики поблескивали на волнах, разбегавшихся от паромов, которые перевозили людей от офисов к окружавшим гавань барам, ресторанам и клубам, Фейт не могла не признать, что Сидней нравится ей все больше и больше.

А особенно по душе ей было то, что здесь разрешалось все. В Сиднее можно было встретить мужчину, одетого, как женщина, который страстно целовал другого мужчину прямо посреди улицы в девять утра. Это так отличалось от глухой деревушки, в которой выросла Фейт, и чопорного интерната, в котором она прожила десять долгих лет...

Фейт сбросила скорость. Пустых мест на стоянке не осталось, так что она притиснулась к другому автомобилю и вышла из машины, отправив Кэшу эсэмэску: «Я – на месте».

Фейт могла видеть лишь заднюю часть его дома. По всей видимости, Кэш жил на самом верху. Из его окна наверняка открывался изумительный вид на простиравшийся до бесконечности океан. Такой человек, как Кэш Андерсон, просто обязан был жить наверху. Он, наверное, всю жизнь провел, поглядывая свысока на людей вроде нее. Ничтожество из провинции с крошечной капелькой таланта, но с уймой настырности. Он был одним из тех, кто решал участь ей подобных. И, положив руку на сердце, Фейт уже порядком надоело зависеть от прихотей этих людей.

Она только-только почувствовала себя иначе. Не ничтожеством, которым вечно слыла на родине. Не чокнутой, над которой потешались все вокруг. Помнится, ее мать от души посмеялась, когда Фейт сказала ей, что собирается стать журналисткой. Отец прочитал одну из своих вечных нотаций, а у братьев появился лишний повод поиздеваться.

Фейт всегда была изгоем – дома, в школе, на каждом месте работы из всех, что она успела сменить после окончания колледжа четыре года назад. Но здесь, в этом незнакомом городе, ее увлечение темой любви и секса пришлось как нельзя кстати. В Австралии у нее появились фанаты. Самые настоящие. И совсем не извращенцы. Фейт получала письма от женщин, благодаривших ее за советы по поводу того, как оживить брак. Были и письма от юных девушек, уверявших, что именно благодаря Фейт они стали ценить свои фигуры и самих себя. Попадались и послания от мужчин, которые радовались тому, что она смогла научить их доставлять наслаждение своим подругам.

Она помогала. Она занималась важной работой. Впервые в жизни она чего-то да стоила. Вот почему эта передача была так важна для нее.

Телефон Фейт пикнул.

«В чем вы одеты?»

В чем она одета? Щеки Фейт вспыхнули. Возможно, он с кем-то ее перепутал. Должно быть, с одной из своего гарема. Все-таки Кэш Андерсон был настоящей свиньей. И в ответ полетела эсэмэска: «В черное, сексуальное и обтянутое кожаными ремнями».

Губы Фейт изогнулись в торжествующей улыбке. Он будет разочарован, когда спустится вниз и увидит ее в футболке и джинсах.

«Ваша машина обтянута кожаными ремнями? Вы что, Бэтмен?»

Фейт остолбенела. Что? Телефон зазвонил, и она нажала зеленую кнопку.

– Я спросил: «В чем вы едете?» У вас желтый «жук» или красный драндулет?

– Красный драндулет. Я думала, вы спросили, в чем я одета...

Как это случилось всегда, когда дело касалось Кэша, ее кожа приобрела яркий свекольный оттенок.

– На вас надето что-то черное, сексуальное и кожаное? И кто же теперь занимается сексуальным домогательством на работе?

До Фейт донесся смех, и она заметила подошедшего Кэша. Его волосы, коротко остриженные по бокам и длинные на макушке, густые и темные, так и сияли на солнце. Ветер раздувал его белую рубашку, подчеркивая мускулы на его груди. Сегодня Кэш казался непринужденнее, чем обычно: загорелым, расслабленным и еще чуточку более сексуальным.

Фейт прикусила нижнюю губу. Ей не хотелось считать его сексуальным. В конце концов, он собирался разрушить ее мечты. Он был ее боссом. Не говоря уже о том, что у Фейт не было секса так много лет, что она успела забыть, что это такое.

Фейт рассказывала о сексе, но, увы, регулярно практиковаться в нем ей не удавалось. Она не могла припомнить, когда в последний раз была близка хоть с кем-нибудь, не сделанном из металла и не помещавшемся в ее собственной руке.

– Это – не кожа, – проворчал Кэш. – И не черное.

Он окинул ее оценивающим взглядом, и тело Фейт вспыхнуло огнем. Тревожный звоночек.

– Я думала, ваша эсэмэска предназначалась кому-то еще.

– С какой стати мне присылать эсэмэску, предназначенную кому-то еще, на ваш телефонный номер? – захихикал он, со скрипом открывая боковую дверцу машины. – Садитесь за руль, Харрис. Нас ждет работа.

Фейт скользнула на водительское место, досадуя на то, что ее шутка привела к неприятным последствиям. Этот день должен был пройти иначе. Фейт планировала показать Кэшу, насколько важно то, чем она занималась, и почему секс – это больше, чем просто секс. Но для этого требовалось проявить высочайший профессионализм.

– Вы выглядите мило.

Мельком встретившись с ней взглядом, Кэш уставился в окно. Его замечание заставило Фейт в удивлении вскинуть брови. Она завела мотор своего «драндулета». Фейт купила красный «Кингсвуд» 1975 года выпуска спустя несколько недель после переезда в Австралию. В этой стране машины были у всех. Австралийцы, казалось, садились за руль лет с восьми и так тепло относились к своим машинам, что давали им имена. Красный драндулет Фейт звался просто Редом.

– В каком смысле... «мило»?

– Симпатично. Приятно. Красиво. – Фейт почувствовала на себе его взгляд. – Вам что, нужен словарь?

– Что не так с моей одеждой?

Кэш вздохнул.

– Ничего. Я просто сказал, что вы выглядите мило. Почему в разговоре со мной вы вечно бросаетесь защищаться, Харрис? Почему спорите со всем, что я говорю?

– Я так не делаю.

– Вы делаете это прямо сейчас.

Неужели она и правда так себя вела? Фейт не замечала. Просто все, что он говорил, казалось таким неправильным...

– Когда вы сказали, что я выгляжу мило, мне всего лишь показалось, что вы имели в виду... что-то еще.

– Что еще я мог иметь в виду?

– Когда вы спросили меня в эсэмэске, в чем я одета, вы имели в виду, на чем я еду.

– Это была ошибка автозамены в моем телефоне. Как же с вами трудно!

О нет, она лишь пыталась вести себя профессионально. Спокойно, начнем все сначала.

– Простите, Кэш. Я просто не ожидала, что вы скажете что-то... приятное.

– Почему?

– Потому что вы никогда не говорите ничего приятного.

Кэш застыл на месте, и Фейт ругнулась себе под нос. Оскорблять его явно не стоило. Фейт вспомнила репортаж о том, как получать то, что хочешь, в спальне. Говори тихо. Будь откровенна. Смотри партнеру в глаза и спрашивай о его фантазиях. Если это годилось для секса, могло пригодиться и на работе.

– Кэш, мне бы хотелось понять, чего вы хотите. Как я могу помочь вам понять то, чем я занимаюсь?

Она снова почувствовала на себе его взгляд и вцепилась в руль. Кэш часто смотрел на нее вот так. Не мигая. Словно читал мысли по ее глазам. А еще он лишал ее покоя, обольстительно вскидывая бровь.

– Чего я хочу?

– Да. Мне нужно знать, как я могу изменить ваше мнение о том, что моя работа не представляет никакой ценности?

– Никакой ценности? – Кэш замолчал, и Фейт почувствовала, как струйка пота скользнула с задней части ее шеи в футболку. В драндулете не было кондиционера, а температура на улице приближалась к сорока градусам.

– Я никогда не говорил, что ваша передача не представляет ценности. О некоторых историях, на основе которых вы делали сюжеты, нужно рассказывать. Ваша проблема заключается в том, что вы принимаете все слишком близко к сердцу. Вы хотите, чтобы все верили в то, что вы делаете. Верили в то, что все дело – в любви.

Фейт повернулась к нему, ее щеки вспыхнули, а ладони скользнули с руля в ответ на его раздражающе покровительственный тон.

– Это неправда.

– Правда, правда. Вы подаете материал чересчур эмоционально. Журналисты должны дистанцироваться от проблем, о которых рассказывают. Это создает ощущение объективности.

Фейт встрепенулась. Она не нуждалась в лекции по поводу объективности. Если бы Кэш только знал, насколько далека она была от тем, о которых рассказывала с экрана...

– Иногда требуется пропускать все через себя. Это – единственный способ добраться до истины.

– Рекламодателям не нравится, когда что-то при нимается близко к сердцу. Им по душе нечто легкое, развлекательное.

– Но мои зрители хотят другого. Им нужно, чтобы я принимала все близко к сердцу, глубоко рассматривала вопрос. Они хотят знать больше.

С уст Кэша слетел вздох, больше напоминавший раздраженное фырканье.

– Людей не интересует любовь, отношения и все остальное, о чем вы рассказываете.

Фейт украдкой взглянула на Кэша. Естественно, людей это интересовало – именно любовь заставляла этот мир вращаться.

– А как насчет моего сюжета о свиданиях онлайн? У той передачи было рекордное число просмотров на вашем сайте, больше, чем у всех остальных программ. Я переговорила с множеством людей, которые нашли любовь по Интернету, и еще с множеством, которые столкнулись лишь с извращенцами. Зрители должны знать об этом. А как же моя передача о телесном образе, о том, как по-разному воспринимаются женщины в зависимости от типов их фигур?

Кэш втянул воздух носом, немного раздувая ноздри. Фейт посмотрела на него, решительно настроенная добиться ответа.

– Это тот выпуск, где вы были голой?

– Где я... Что? – Фейт едва успела увернуться и объехать женщину, переходившую улицу с огромной овчаркой. – Да. Но смысл был не в этом.

Она уже не поворачивалась к Кэшу, но чувствовала, как он усмехается, глядя на нее.

– Я разделась, чтобы показать женщинам, что им совершенно незачем стыдиться своих фигур. И я не была совершенно голой – мои интимные детали были прикрыты листиками.

– Ваши «интимные детали»?

– Да. Мои интимные детали. Вы ведь понимаете – те, что не демонстрируют другим.

– Обожаю демонстрировать свои интимные детали другим.

Фейт отогнала представшее перед мысленным взором изображение «интимных деталей» Кэша. Профессиональная. Искрометная. Проницательная. Именно такой она и должна быть.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, но я предпочитаю держать свои интимные детали при себе. И демонстрирую их лишь немногим избранным.

– В самом деле? – Фейт по-прежнему не смотрела на Кэша, следя за извилистыми поворотами сиднейских улиц. Но она могла чувствовать, как он оперся локтем о приборную панель и придвинулся ближе. От Кэша исходил запах берега и какой-то особый, исключительно его аромат. – И сколько же «немногих избранных» удостоились чести лицезреть ваши «интимные детали», Фейт?

– Сколько?

– Да. Сколько?

– То есть... другими словами... конкретное число? – начала запинаться она.

– Да. Конкретное число.

Его теплое дыхание обдавало ее плечо, ощущалось через тонкую футболку. Кэшу достаточно было лишь немного потянуться, чтобы провести языком по ее коже...

Фейт трепетала. Пульс колотился. Ее нога скользнула чуть дальше, надавив на педаль газа. Хм, ничего не скажешь, очень «профессионально»!

– Не думаю, что подобное обсуждение уместно.

– А я считаю, более чем уместно. Вы ведь у нас – признанный сексперт. И мне хотелось бы понять, насколько вас можно считать экспертом. Я хотел бы узнать о вашем личном сексуальном опыте.

Пересохшее горло Фейт не могло воспроизвести ни звука. Ее личный опыт?

– У меня достаточно опыта, чтобы знать, чем я занимаюсь.

– Да ну?

В салоне вмиг стало душно. Фейт убрала руку с руля и с усилием покрутила старую ручку, опуская стекло. Ей требовался глоток воздуха. Как можно быстрее.

– Занятно. Потому что мне хотелось бы знать, сколько это – «достаточно»? Это был лишь один партнер? Или мы говорим о двузначных числах?

Фейт все так же недвижимо сидела на месте. Поток воздуха наконец-то ворвался в салон. Влажный и вязкий, он немного ослабил гул в ее голове.

– Трехзначных числах?

– Нет! – резкий ответ Фейт удивил даже ее саму. – Нет. И мне бы не хотелось обсуждать это с вами.

– Почему нет?

– Потому что вы – мой босс, и это не... профессионально.

– Забудьте об этом. – Он махнул рукой в сторону стекла. – Солнце светит, день – просто замечательный, и в данный момент я – не ваш босс. Мы – просто два человека, которые отправились на прогулку. Которые наслаждаются обществом друг друга. Болтают.

Автомобиль был большим, но Кэш по-прежнему сидел чересчур близко к Фейт. Этими своими вопросами и низким голосом, в котором так и звучала грубоватая самонадеянность, он поглощал слишком много пространства. Но Фейт понимала, что он делает, – пытается добиться

от нее хоть чего-нибудь. Пытается заставить ее выдать то, что она хочет держать при себе. Она достаточно долго трудилась на журналистском поприще, чтобы уметь распознавать эти уловки.

– Моя сексуальная жизнь – не ваше дело.

– Не согласен. Ваша сексуальная жизнь – дело всеобщее. Особенно если учесть, что вы делаете на этом карьеру. Вот это-то и вызывает мой живой интерес. Почему вы с такой готовностью говорите о сексе на камеру, но так не желаете обсуждать это с глазу на глаз? Что же такого случилось с вами в прошлом, что заставило вас считать, что секс – это больше, чем просто секс? И почему вы так распаляетесь каждый раз, когда я говорю о закрытии вашей передачи?

– Я так распаляюсь, потому что австралийцам нужна моя передача.

– Нет. Никто не может питать столь благородные порывы. Людьюми движут всего три вещи, Фейт, – страх, алчность и похоть. Итак, что же движет вами? Почему эта передача так важна для вас?

Фейт не хотела отвечать на эти вопросы, но и отмалчиваться не могла.

– Если я должна выбрать что-то из этого, я бы сказала – алчность. Я хочу быть успешной. Хочу быть признанной, удостоенной наград журналисткой. Хочу, чтобы люди знали, кто я.

Кэш какое-то время хранил молчание, и Фейт почувствовала, что он изучает ее. Она смахнула волосы с плеча и вскинула подбородок. Пусть думает, что хочет, ей плевать!

– Ладно. Притворюсь, что это – ваш настоящий ответ. Но почему секс? Почему любовь? Почему отношения? Почему не текущие события? Политика? Спорт? Это популярные темы, за которые как раз и вручают награды.

– Меня не интересуют спорт и политика.

– Но интересуют секс и отношения.

– Да.

– И любовь.

Она наконец-то повернулась и пронзила его долгим взглядом.

– Да. Любовь. Меня интересует любовь.

Ей не было стыдно. Ее действительно интересовала любовь. Ее заботило это, она думала об этом – она гадала, почему же так и не смогла это найти. Фейт прикусила нижнюю губу и повернулась к дороге.

– Любви не существует, Фейт.

Он произнес это так тихо, что Фейт показалось, будто она ослышалась.

– Конечно же существует. В какой-то момент жизни влюбляется каждый человек.

– Это – страсть. Любовь – нечто иное.

– Вы только что опровергли свой собственный аргумент, Кэш. Если вам известно, что страсть отличается от любви, вы, очевидно, знаете и то, что любовь существует.

– Возможно, – пожал он плечами. – Для некоторых. Но она никогда не длится вечно, поэтому-то я и предпочитаю страсть.

Внутри у Фейт что-то оборвалось. Он уволит ее, если верит исключительно в страсть, ведь главная идея ее передачи заключалась в том, что все люди рано или поздно влюбляются. Тишина вокруг них сгустилась, Кэш сосредоточенно смотрел в окно.

– Сегодня утром мы встречаемся с консультантом по тантрическому сексу. – Фейт изобразила на лице улыбку, пытаясь развеять повисшую неловкость. Кэш сидел тихо, свесив руку с окна машины.

– Тантрическому сексу? – с легкой гримасой переспросил он. – Звучит многообещающе.

Она хотела сказать, что он не далек от истины. Поведать, что тантрический секс делает отношения более пылкими, насыщенными. Выдать статистику о росте популярности БДСМ, объяснить преимущества вибратора «Джессика Рэббит» над прошлогодней моделью, «Необузданной ракетой». Но все это было бесполезно. Кэш, похоже, отвлекся на какие-то свои мысли.

– Что-то не так, Кэш? Вы имеете что-то против тантрического секса?

Он улыбнулся:

– Нет. Просто задумался.

– О чем? – Фейт переключилась на третью передачу, и старая машина немного подпрыгнула, проходя поворот.

– О вас и вашей передаче. И о... – Кэш отвел взгляд. – Не важно. Вас это не касается.

Он казался смущенным и немного грустным. Странно, он никогда не выглядел грустным. Вздвигнутым? Да. Недовольным? Безусловно. Раздраженным, нетерпеливым, злым? Да, да, да. Но грустным? Никогда.

– Простите, что спорила с вами.

Кэш снова повернулся к Фейт, и она почувствовала на себе его взгляд.

– Вы не должны извиняться за то, что не согласны со мной. Мне-то как раз нравится, что вы не соглашаетесь. Мне нравится, что вы задаете вопросы и никому не позволяете вытирать о себя ноги.

– Тогда что не так?

– Вы ведь знаете, почему меня прислали сюда, не так ли?

– Чтобы руководить телеканалом?

– Чтобы спасти телеканал. Дела обстоят не лучшим образом, Фейт. Меня прислали, чтобы провести сокращения, найти способы сэкономить деньги и увеличить доходы. Я здесь не для того, чтобы быть большим плохим парнем, таким агрессором, который губит всеобщее веселье и давит на корню всеобщие мечты.

Фейт знала, что и в прошлом году дела телеканала шли неважно, но она даже не задумывалась, что все обстояло так плохо.

– У меня хорошая передача, Кэш. Перенесите ее в прайм-тайм, это привлечет больше рекламодателей.

– Ваша передача никогда не будет идти в прайм-тайме, Фейт. На прошлой неделе у вас там кто-то показывал на себе, как пользоваться вибратором. Это – не тема для прайм-тайма. Это отвратит наших семейных зрителей, не говоря уже о наших семейных рекламодателях.

– Да там толком ничего и не было видно. Просто выпуск наделал шума, а смысл заключался...

– Не важно, в чем заключался смысл. Секс по центральному телевидению неприемлем. А спорт – да. В этом нет ничего личного, Фейт. Это – бизнес.

Ничего личного? Потеря ее работы была делом личным. Называть то, чем она занималась, неприемлемым было личным. Представлять все, чего она достигла за последние два года, ничего не значащим было личным.

– Вы не собираетесь оставлять мою передачу, не так ли? И мы просто впустую тратим время? – Фейт резко затормозила, и машина взвизгнула.

Кэш пронзил ее взглядом. Жгучим. Полным вызова.

– Я дал вам обещание и сдержу его. Если вы убедите меня, что секс – это больше, чем просто секс, я оставлю вашу передачу в эфире. Поддержу вас на все сто процентов. Поработаю с вами, чтобы передачу можно было демонстрировать в прайм-тайме. Но если в конце недели я останусь при своем мнении, вам придется смириться. И отказаться от этой затеи.

Фейт снова сосредоточила внимание на дороге. И газанула на холостом ходу. Ставки теперь были выше, чем когда бы то ни было. Все, никакой больше Мисс Паиньки! Он хотел узнать о сексе? Да уже к концу дня Кэш будет сочтаться сексом! Не буквально, конечно. Но именно сегодня она покажет ему, каково это: хотеть чего-то так сильно, что можешь за это убить.

Глава 4

Патриция Феллоуз относилась к тому типу женщин, которых так и видишь пекущими пироги в уютном семейном доме. Она была полной, веселой и так и сыпала грубоватыми шутками.

Кэш бросил взгляд на Фейт. Она сошла с ума, если думает, что он собирается сидеть на заднем дворе этой женщины и ждать, пока та доведет его до оргазма своей бурной деятельностью. Он уже был сыт по горло.

Но Кэшу почему-то хотелось потакать Фейт. Она была единственной, кто мог заставить его сесть, заткнуться и заинтересоваться больше, чем на две минуты. И он не хотел, чтобы она увольнялась.

Хотя ее передачу все-таки следовало закрыть. Она не подходила телеканалу, не приносила достаточно доходов от рекламы, чтобы окупить свое место в эфире. Но Фейт была права – рейтинги были высокими, зрителям программа нравилась. Кэш ломал голову, придумывая варианты ее сохранения: помочь со съемочным процессом, доработать сценарий...

– Обалдеть, какой красавчик! – так и лилось потоком из Патриции, размахивавшей красной палкой с кисточками на концах. Кэш отшатнулся. Он понятия не имел, что пожилая дама планировала делать с длинной палкой, и не имел ни малейшего желания это узнавать.

– Это – мой босс. Патриция, Кэш Андерсон.

– Черт возьми, если бы у меня был такой босс, я бы каждый день ходила на работу в крошечных черных трусиках!

Ну, приехали... Кэшу стало неловко. Глядя на него, Патриция облизывала губы, словно он был сочным набором ребрышек для барбекю, а она не ела целую неделю.

– Я мог бы просто посидеть тут и понаблюдать.

– Нет! Нет. Обычно к нам не захаживают красавцы вроде вас. Так что будете звездой шоу!

Теперь Кэш понимал, что должны были чувствовать сказочные Гензель и Гретель, попавшие к ведьме.

– В сущности, Кэш здесь только для того, чтобы наблюдать, – твердо произнесла Фейт. Потом взглянула на него и игриво улыбнулась. – Он еще учится.

– О... – в тоне Патриции явно засквозило разочарование. Ее глаза стали ледяными.

– Садитесь вон там, – резко бросила она, взмахнув своей палкой.

Постепенно стали собираться люди. Главным образом пары не первой молодости, которые, похоже, были знакомы друг с другом. Фейт обменялась множеством рукопожатий и объятий, и уж ее-то, судя по всему, знали все. Эти люди были фанатами ее передачи. Фейт отвечала на их глупые вопросы, смеялась над их неуклюжими шутками. А потом отошла в сторону, и занятия начались.

– Тантра приносит гармонию во все сферы жизни, – вещала Патриция, раздавая длинные шелковые халаты. Сидевшие по кругу мужчины и женщины, по всей видимости, знали, что делать: они тут же стали сбрасывать с себя одежду, надевая халаты. Кэш начал переминаясь с ноги на ногу и крепче сцепил руки на груди. На нечто подобное он не подписывался. У него не было ни малейшего желания наблюдать за похотливыми стариками, трясущими пенисами.

Фейт наклонилась к нему:

– Не волнуйтесь. Вы ничего не увидите.

Она придвинулась ближе, будто специально прижимаясь рукой к его руке, чтобы успокоить. Но спокойнее не стало. Кэшу и без того было неловко, а теперь он еще и ощущал присутствие рядом этой женщины. Той самой, которая так осложняла ему жизнь.

Фейт улыбнулась. Кэш заметил, какими яркими были ее глаза. Синими и немного блестящими на солнце. И ее зубы, такие белые и прямые... Она была ослепительной, но немного чокнутой. «Просто не слушай ее», – приказал он себе.

– Суть тантры заключается в почитании и гармонии наших тел, наших душ и наших сердец.

Внимание Кэша снова привлекли сидевшие в кругу люди: теперь Патриция призывала их придвинуться к своим «вторым половинкам», чтобы их руки соприкасались, – точно так же, как его рука касалась руки Фейт. В самом деле, почему бы не коснуться такой красотицы, обладательницы великолепного тела? В конце концов, они находились не в офисе. Что плохого в том, чтобы уйти от действительности на несколько спасительных минут? Прежде, чем он вернется в реальный мир и снова станет бесчувственным. Слушая щебетание птиц в саду и чувствуя тепло солнца задней частью шеи, Кэш немного расслабил плечи.

– Итак, начнем с упражнений для мышц тазового дна. Они укрепят силу сжатия вашей «йони» – части тела женщины, которая делает ее сексуальным созданием, – объясняла Патриция, блуждая между парами, и ее голос становился все тише. – И заставят дарить большее наслаждение мужской сексуальной сущности – «лингему».

Что ж, пока ничего сверхъестественного не произошло. Большинство людей закрыли глаза, некоторые перешептывались, – но, поскольку их тазовые мышцы были надежно скрыты за длинными халатами, Кэш мог спокойно наблюдать за занятиями.

– Ну а теперь пришла пора повернуться друг к другу и рассказать, что делает нас счастливыми.

Пары что-то забормотали, и Патриция подняла взгляд.

– Вы – тоже, Фейт. Я ведь предупреждала, что лучше не приезжать, если вы не собираетесь заниматься.

Синие глаза Фейт умоляюще посмотрели на Кэша.

– Простите, – прошептала она, – но Патриция считает, что остальным будет неловко, если я не присоединюсь. Обычно я приезжаю одна и просто провожу свои исследования, но, поскольку вы – здесь...

– Все в порядке. Можете рассказать мне, что делает вас счастливой. – Странно, но, решив узнать это, Кэш почувствовал, как все внутри напряглось. Фейт была вечно занята, все время куда-то неслась. Сейчас она, казалось, искала какой-то ответ, и Кэш тоже невольно задумался о счастье.

– Нам стоит присесть. – Она расположилась на траве, поджав ноги по-турецки. Кэш опустился рядом. Много лет пагубных для суставов занятий регби не позволили ему последовать ее примеру, но ему удалось сесть. Он приподнял одно колено и раскрыл другое, не успев толком осознать, что Фейт оказалась заключенной в пространство между его ногами. Теперь она казалась крошечной, ее волосы рассыпались по плечам, а светлая кожа сияла на солнце.

– Итак, что же делает вас счастливым, Кэш?

– Патриция сказала, это вы должны присоединиться к занятиям, не я. – Кэшу не хотелось рассказывать. По натуре он был слишком честным, – Фейт была бы потрясена, узнав, какой он на самом деле.

– Ну же, давайте, вас никто не укусит. – Фейт улыбнулась, и Кэш поерзал на твердой земле. К чему все эти сложности? Речь шла о решении текущих проблем с формированием сетки вещания. Убрать передачу о сексе, переделать утреннюю новостную программу, запустить новое спортивное шоу. Но он обещал дать Фейт шанс проявить себя. Обещал, хотя понимал, что не передумает. Он был необычайно упрям – именно благодаря этой черте характера Кэш заработал больше, чем мог себе представить, и приблизился к вершине этой хитрой игры под названием «телевидение».

– Что делает меня счастливым? Серфинг. Стейк. – Он взглянул Фейт в глаза. – Тишина.

Губы Фейт не улыбались, но в глазах светилась улыбка. Что-то в этих глазах заставило Кэша застыть на месте, не отрывая взгляда, не мигая. Эти глаза были такими красивыми, и Фейт смотрела на него так, будто пыталась прочесть мысли в глубине его глаз... Кэш снова поерзал и вдруг почувствовал ее руки у себя на коленях. От тепла этих рук он замер, не в силах пошевелиться.

– Расслабьтесь, – тихо произнесла Фейт, и ее голос заструился, будто мед. – Никто здесь не будет вас оценивать.

Увы, она ошибалась. Его всегда оценивали. Все. Просто делалось это по-разному.

– Я тоже люблю тишину. – Фейт убрала ладони с его коленей. Кэш испытал невероятное облегчение и откинулся назад, облокотившись на руки и по-прежнему наблюдая за ней. – Я люблю сидеть и слушать. Понимаете?

Он не понимал, но ему нравилось слушать, как она говорит. Фейт произносила слова чисто, безупречно, но время от времени в ее речь закрадывался приятный чужеземный акцент.

– Мне нравится слушать ветер или звуки, доносящиеся из окна моей спальни, и отключаться ото всех своих мыслей. Притворяться, будто я – кошка, и я могу просто сидеть и наблюдать, а потом ускользнуть, куда я хочу, – туда, где никто меня не найдет.

– Вы хотите быть кошкой? – И как у нее получалось каждый раз удивлять его?

Она засмеялась, и уголки ее глаз испещрили морщинки, а зубы сверкнули на солнце.

– Иногда. А что насчет вас? Вы когда-нибудь хотели быть кем-то еще?

Кэш задумался. И вспомнил о своем брате. Да. Многие годы он хотел быть кем-то еще.

– Нет.

– Жаль, что я не такая храбрая, как вы. – Фейт опустила взгляд, ее улыбка дрогнула.

– Я – не храбрый. – Он был трусом, он знал это, но ни одна живая душа об этом не подозревала. Никто – во всяком случае, за пределами его родного города Уорра-Крик.

– Конечно, храбрый. Вы говорите то, что должны говорить. Делаете то, что должны делать. Не волнуетесь о том, что о вас подумают, что может произойти. Вы – бесстрашный.

Фейт говорила, а Кэш внимательно наблюдал за ней. Что-то в ней ошеломило его, и он поспешил отделаться от этого странного ощущения. В конце концов, каждому хотелось бы услышать в свой адрес подобные слова. Это всколыхнулось его эго, только и всего, – совсем как тогда, когда он последний раз влюбился. Та девушка тоже тешила его самолюбие. Но с тех пор прошло девять лет – и его самомнение уже не нуждалось в подпитке. Он не нуждался ни в ком.

– Я бы назвал себя упрямым как осел, а не храбрым.

Фейт засмеялась, ее лицо вмиг преобразилось, и Кэш почувствовал, как что-то заняло у него в груди. Сколько же времени прошло с тех пор, как он заставлял женщину смеяться? Не жеманно хихикать. Не флиртовать. А просто смеяться – громко, в лучах солнца.

– Должно быть, в этом вы правы. Но есть кое-что еще. Мне хотелось бы быть самой собой и не беспокоиться, что думают обо мне другие. Мне хотелось бы быть такой же храброй.

Кэш и не заметил, как его губы расплылись в улыбке. Ему вдруг захотелось продолжить разговор.

– Это вы – храбрая, Фейт. Вы проехали через весь свет, чтобы создать передачу, которая запросто могла превратить вас в посмешище. Но вы сделали это. И теперь вы – здесь. Доказывая, на что вы способны, открыто давая мне отпор.

– А это храбро – или просто глупо?

– Возможно, и то, и другое. Но вы делаете это. Не убегаете прочь.

«В отличие от меня самого», – мысленно продолжил он.

– Благодарю вас, Кэш. Думаю, это – самое приятное, что кто-либо когда-либо мне говорил.

Кэш вскинул брови.

– Это – самое приятное, что кто-либо когда-либо вам говорил? Вам явно стоит найти новых друзей.

Его шутка не насмешила ее. Фейт отвела взгляд, и Кэш почувствовал, как она отшатнулась.

Бормотание окружающих и щебетание птиц зазвучало громче. Ему явно не стоило этого говорить. У Кэша была привычка брякать первое, что придет в голову. Обычно ему удавалось сдерживаться, но в Фейт было нечто, вызывавшее у него желание поговорить. Нечто, вызывавшее доверие. Ему стоило вести себя осторожнее.

И в тот самый момент, когда Кэш уже было подумал, что Фейт собирается встать и уйти, она снова наклонилась к нему.

– Обычно люди не говорят мне приятные вещи, потому что я нечасто даю им повод сделать это.

Кэш замер. Что это означало? Он хотел знать больше, хотел сказать больше, но не смел. Просто не хотел расстраивать Фейт своей болтовней.

Патриция возобновила инструктаж. Теперь она призывала двигать телами, пропуская свет сквозь таз. Сидевшие по кругу люди стали странно двигаться, приподнимая бедра и раскрывая руки. Кэш надеялся, что Фейт не ждет от него чего-то подобного. Не только потому, что его тело вряд ли смогло бы выполнять такие выкрутасы, но и потому, что все это казалось ему глупым. Это не имело отношения к сексу. Так, чепуха о чувствах и эмоциях. А секс был просто сексом. Наслаждением. И точка.

– Тантрический секс помогает углубить связь между партнерами, – прошептала Фейт. Кэш даже не повернулся к ней. Ему не хотелось, чтобы она произносила слова «секс» и «углубляться» в одном предложении. Особенно этим своим голосом, который в мгновение ока менялся от высокого и мелодичного до низкого и хрипловатого. – Это учит заниматься скорее любовью, нежели чем просто сексом.

– А с какой стати нужно этим заниматься? – пронзив Фейт взглядом, четко выговорил Кэш. Снова – честно. Но на этот раз она не отодвинулась – наклонилась еще ближе.

– Разве это не замечательно – заниматься любовью? – Ее вопрос привел Кэша в замешательство. Фейт смотрела на него, ожидая ответа. Но она уже знала ответ. Это в любом случае было замечательно. Кэш невольно задумался, каково бы это было с Фейт. Быстро и страстно или медленно и чувственно?

Патриция снова принялась давать распоряжения, и Кэш порадовался, что это рассеяло его фантазии и изменило атмосферу. Он убрал руки с травы и положил локоть на колено, снова избегая смотреть в глаза Фейт. Она явно была из тех женщин, которые принимают страсть за любовь и всегда хотят большего, чем желает дать мужчина.

Сидевшие по кругу пары толкались и двигались, их колени сталкивались в воздухе, их круглые животики совершали хитрые маневры. Кэш в ошеломлении наблюдал за происходящим ровно до того момента, как над садом разнесся голос Патриции:

– Фейт! Вы мне нужны.

Фейт тут же вскочила.

– Патриция, я – в вашем распоряжении, – торопливо бросила она.

– Оседлайте этого своего друга. Мне нужен пример.

Кэш так и замер на месте. Оседлать его? Фейт повернулась. Улыбка сбежала с ее лица.

– Я не могу сделать это, Патриция. Он – мой босс.

– Тем более. Эта техника научит вас лучше общаться. Вы будете слышать потребности друг друга вместо того, чтобы пытаться друг друга переговорить.

Кэш терялся в догадках, как же поступит Фейт. Явно сгорая от волнения, она робко подошла к нему.

– Мне приказали оседлать вас, – произнесла она со смущенной улыбкой.

– Нет уж, простите. – Он перевел взгляд с Фейт на Патрицию. – Я не одет для того, чтобы на мне сидели верхом.

– Чепуха. Забирайтесь на него, Фейт.

Она выглядела подавленной, и Кэш почувствовал себя виноватым. За то, что наговорил ей. За то, что заставил ее пойти на это. Она жаждала проявить себя с лучшей стороны, и он должен был дать ей шанс.

– Ладно, Фейт, можете запрыгивать. Ну что тут такого?

Она выглядела настолько испуганной, что ему стоило хоть как-то ее успокоить. Сдаваясь, Кэш поднял руки.

– Вперед, я не кусаюсь.

Глава 5

Фейт нервно засмеялась и расположилась так, что ее ступни оказались по обе стороны от его ног. – Готовы? – срывающимся голосом спросила она.

Надетые на Фейт тесные джинсы подчеркивали изгиб бедер и плотно облегали ноги. Кэш положил руки на внешнюю поверхность ее бедер.

– Готов, – ответил он, глядя ей в глаза.

Она начала опускаться, придвигаясь все ближе, и его взгляд метнулся к ее животу, туда, где между футболкой и джинсами проглядывала узкая полоска светлой кожи. Его ладони скользнули выше, и ее руки в итоге опустились ему на плечи. Кэш напрягся всем телом, и руки Фейт вспорхнули, словно поглаживая его мускулы. Все его тело объял жар. На какое-то мгновение Кэш забыл, где находится, забыл, что на него устремлены десятки глаз. Сейчас он чувствовал лишь мягкость ее тела.

Его глаза впились в глаза Фейт, когда перед ним нависли ее груди. Они проплыли вниз, мимо его лба, носа, а потом и губ. Ее соски стояли по стойке «смирно». Внутри у Кэша все сжалось, он прикусил язык и положил руки на бедра Фейт, притягивая ее к себе на колени. Ее бедра опустились прямо ему на руки. Ощущать ее там было так приятно... Словно она была создана для того, чтобы сидеть у него на руках, и все, что хотел сделать Кэш, – это притянуть ее к себе. Фейт двигалась все ниже, до тех пор, пока лба Кэша не коснулось ее горячее дыхание.

Потом ее глаза оказались на одном уровне с его глазами, и Фейт уселась на Кэша. Поерзала. Почувствовала его возбуждение. Он хотел, чтобы она ощутила его реакцию на близость ее тела. Она снова поерзала, устраиваясь поудобнее, и тяжело задышала. Ее взгляд скользнул к его рту, и теперь Кэш мог ощущать только ее, думать только о ней. Сидя у него на коленях, Фейт оперлась ладонями о его плечи. В голове у Кэша яростно пульсировало. Колени тряслись. Фейт судорожно втянула воздух ртом, замерла на мгновение – и снова встретилась с Кэшем взглядом. Между ними будто электрический заряд проскочил. Ее глаза, казавшиеся такими темными вчера, теперь были намного светлее. Цвета синего летнего неба. Руки Кэша заскользили вверх, пока он не ощутил, как подушечка большого пальца коснулась изгиба ее груди. Фейт выдохнула, ее губы приоткрылись, и рука Кэша замерла прямо под ее грудью.

– Выдохните, Кэш, выдохните! – Патриция говорила что-то, но он толком ее и не слышал. Сейчас до него доносилось лишь дыхание Фейт, становившееся все тяжелее.

– Выдохните, – пробормотала Фейт. – Она хочет, чтобы вы выдохнули. Мне в рот.

– Что? – хрипло сорвалось с его губ. О чем она говорит?

– Выдохните, – прошептала она. – Пока я вдыхаю, вы выдыхаете.

Кэш выдохнул, позволив своему дыханию пройти между ее приоткрытыми губами, а потом она выдохнула, и он ощутил порыв горячего воздуха, ворвавшийся в его рот. Кэш скользнул рукой по ее спине. Фейт была такой миниатюрной, что его ладонь покрывала чуть ли не всю ее спину. Он привлек ее ближе, удобнее устраивая свой затвердевший ствол. А потом Кэш запустил пальцы в ее мягкие волосы и снова выдохнул, не отрывая глаз от ее губ. Фейт затрепетала под его ладонями. И тут произошло нечто. То, что не должно было случиться. Только не в саду Патриции.

И определенно, не с Фейт.

Кэш пошевелил ногами. И ощутил тепло эрекции. Это казалось невероятным. Речь шла не просто о его реакции на красивую женщину, сидящую у него на коленях, а о чем-то большем, по-настоящему сокровенном. Она снова выдохнула, и он втянул ртом ее воздух, желая почувствовать ее ближе, притянуть к себе эти пухлые губы. Фейт опять поерзала, и он чуть подвинулся, позволив ей устроиться удобнее, но тут она резко запрокинула голову, словно пробуждаясь ото сна. Потом с шумом выдохнула и быстро вскочила на ноги. Так быстро, что

с размаху влетела головой в его нижнюю челюсть. Почувствовав вкус крови, Кэш понял, что прокусил губу.

– Черт! – процедил он сквозь зубы.

– Кэш! Простите. О, нет! У вас кровь!

Кэш зажал рукой рот. И тут же отдернул ладонь, перепачканную в крови. Разбитая губа пульсировала.

Он разразился громким ругательством.

– Ой, ой, ой! О, нет! Позвольте мне протереть вашу рану, – засуетилась Патриция.

– Все в порядке. Жить буду. – Кэш поднялся и размашисто вытер подбородок. Он снова выругался, но на сей раз уже про себя. И как он мог забыть свой девиз? «Никогда не теряй голову, иначе вечно будешь страдать по чужой вине».

Патриция вернулась с горсткой бумажных носовых платков, и Кэш прижал их ко рту. Губа пострадала, но еще больше пострадала гордость. Фейт спрыгнула с него, как ошпаренная. Словно поняла, что именно сделала и с кем. На какое-то мгновение он подумал, что она тоже что-то почувствовала, что между ними действительно произошло нечто важное. Но это было не так. Она притворялась, что он ей нравится, только бы добиться своего.

Челюсть болела. Кэш был разгоряченным и униженным, и все, чего он сейчас хотел, – это вернуться в офис. Именно там ему и следовало находиться.

– С вами все в порядке? – Голос Фейт звучал слабо и робко, что было совсем на нее не похоже. Кэш не хотел ее сочувствия. Он знал: Фейт прилагала все усилия, чтобы убедить его, что секс – это не просто секс. Но он больше не попадет на эту удочку. Никогда.

– Хотите остаться? – спросила Фейт.

Нет, он не хотел. Из рассеченной губы шла кровь, и Кэш был невероятно зол.

– Думаю, нам пора идти.

Он старательно избегал смотреть на Фейт. Он не хотел видеть написанного на ее лице разочарования из-за сорвавшегося плана. Кэш напомнил себе, что это – работа, а Фейт – сотрудница, только и всего. Он лишь желал, чтобы его пульсирующая плоть прислушалась к доводам разума.

Глава 6

Фейт молча смотрела, как Кэш со скрипом открыл дверцу машины и скользнул на сиденье. Бумажные платки были красными от крови, несколько капель упали на его белоснежную рубашку. Меткий удар ему в челюсть явно не был проявлением профессионализма. Фейт так крепко вцепилась в руль, что костяшки ее пальцев побелели.

– Кэш, мне так жаль...

– Проехали, – прогрохотал его зычный голос, и сердце Фейт сжалось. Ее план не сработал. Она слишком увлеклась, поддавалась эмоциям. Сидя у него на коленях. Она почувствовала его твердость и потеряла контроль над собой. Подумала о том, о чем и мечтать не следовало. Естественно, у него была эрекция. На его коленях сидела девушка. Он – нормальный здоровый мужчина. А в ней не было ничего особенного.

На какой-то миг, когда Кэш дышал ей в рот, Фейт решила, что причиной эрекции все-таки была она. Подумала, что он уловил возбуждение, хлынувшее в ее кровь, когда его дыхание обожгло ее кожу. Но потом Кэш шевельнулся, явно давая понять, что ему неудобно и он хочет, чтобы она с него слезла. Вот она и прыгнула. Разбив ему губу.

Обольщение никогда не относилось к числу ее умений. В юности Фейт была из тех девочек, что вечно стоят в уголке, глядя, как другие обнимаются и целуются на танцполе. Сегодня она не была до конца честной с Кэшем. На самом деле у нее была еще одна причина держаться за эту работу. Да, она стремилась к успеху – это была чистая правда. Но тема секса интересовала Фейт еще и потому, что это позволяло ей узнать то, чего она никогда не постигла бы на собственном опыте. И она многому научилась.

Иногда Фейт казалось, что она готова пустить полученные знания в ход. Она встречала какого-нибудь мужчину, который мог ей понравиться. Но того интересовало только то, как вставить деталь «А» в слот «Б», тогда как Фейт мечтала исследовать тело партнера языком. Сделать именно то, чем она так жаждала заняться с Кэшем пять минут назад. Но сейчас он истекал кровью, злился, и ему явно было не до ее языка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.